

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-7-402-412

Дата принятия рукописи в печать: 11.07.2026 г.

КУЗЬМИН Максим Андреевич,

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, референт Департамента международного права и сотрудничества Министерства юстиции Российской Федерации,

e-mail: mail@law-books.ru

ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗЬ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ: ОТ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ К ПРИНЦИПУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье исследуются правовые и технические проблемы использования видеоконференц-связи при исполнении трансграничных судебных поручений о допросе. Выявлена асимметрия между международно-правовыми обязательствами государств по оказанию международной правовой помощи и национальными требованиями, предписывающими использование исключительно специализированных систем. Предложен принцип технологической нейтральности технических средств, на основе которого сформулированы пять критериев надлежащего средства ВКС, а также правила проведения допроса (модель активного участия суда запрашиваемого государства). Даны конкретные предложения по изменению процессуального законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: видеоконференц-связь, трансграничный допрос, международная правовая помощь, принцип технологической нейтральности, цифровизация юстиции, международное сотрудничество.

KUZMIN Maxim Andreevich,

graduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, referent of the Department of International Law and Cooperation of the Ministry of Justice of the Russian Federation

VIDEOCONFERENCING IN INTERNATIONAL LEGAL AID: FROM TERMINOLOGICAL UNCERTAINTY TO THE PRINCIPLE OF TECHNOLOGICAL NEUTRALITY

Annotation. The article examines the legal and technical problems of using video conferencing in the execution of cross-border interrogation orders. An asymmetry has been identified between the international legal obligations of states to provide international legal assistance and national requirements prescribing the use of exclusively specialized systems. The principle of technological neutrality of technical means is proposed, on the basis of which five criteria for an appropriate means of videoconferencing are formulated, as well as the rules for conducting interrogation (a model of active participation of the court of the requested state). Specific proposals have been made to amend the procedural legislation of the Russian Federation.

Key words: video conferencing, cross-border interrogation, international legal assistance, the principle of technological neutrality, digitalization of justice, international cooperation.

Введение

Рост трансграничных дел и запросов о правовой помощи сопровождается интенсивным развитием трансграничной цифровой юстиции. Пандемия коронавирусной инфекции стала мощным катализатором этого процесса, в результате чего государства и их органы должны были в короткие сроки адаптироваться к удаленному формату взаимодействия. Использование современных технологий в сфере юстиции дает массу преимуществ:

ускоряется взаимодействие судов и других компетентных органов, сокращаются издержки на пересылку, открываются новые формы сотрудничества, в том числе использование систем видеоконференц-связи (далее – ВКС) для проведения трансграничных допросов.

Вместе с тем развитие сопряжено с новыми вызовами, требующими научного осмысления. Один из них – технологический разрыв между международными договорами, предусматривающими обязательства по

исполнению запросов с использованием видеоконференции, и национальными требованиями, предписывающими использование специализированных систем. На практике это приводит к парадоксу: государства, связанные международно-правовыми обязательствами оказывать правовую помощь, в том числе посредством ВКС, фактически отказывают в исполнении запросов по формальным техническим основаниям, ссылаясь на несовместимость систем или невозможность применения альтернативных средств.

Особую остроту проблема приобретает при проведении допросов, где вопрос не только в процессуальной экономии, но и в обеспечении фундаментальных прав допрашиваемого лица (справедливое разбирательство, защита, личная неприкосновенность). Выявление асимметрии между международно-правовыми обязательствами и национальной судебной практикой, а также поиск правовых механизмов ее преодоления представляются своевременными как для науки, так и для правоприменения.

Отдельные аспекты трансграничной ВКС в гражданском, арбитражном и уголовном процессах освещались в ряде работ российских исследователей [16], а также в зарубежных исследованиях [21, 22, 23]. Однако отсутствует комплексный анализ принципа технологической нейтральности применительно к трансграничным допросам, не выявлена в систематизированном виде асимметрия обязательств и правоприменения, не предложен механизм разграничения международного и национального уровней регулирования с четким определением роли суда запрашиваемого государства. Настоящее исследование призвано заполнить этот пробел.

Эффективность международной правовой помощи при проведении допросов с использованием современных технологий напрямую зависит от двух факторов: от единообразного понимания в международных договорах понятия «видеосвязь» и от четкого распределения процессуальных ролей между судами запрашивающего и запрашиваемого государств. Анализ действующих актов показывает, что ни тот, ни другой фактор не обладают необходимой определенностью.

Международные договоры о правовой помощи, принятые в разное время, оперируют различными понятиями при обозначении одного и того же явления – проведения трансграничных процессуальных действий с использованием аудиовизуальной связи в режиме реального времени.

Наиболее прогрессивным в техническом отношении является Второй дополнительный

протокол 2001 года к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 года [1] (далее – Протокол).

Статья 9 Протокола прямо предусматривает возможность допроса свидетелей и экспертов (а также потерпевшего [7]) посредством «видеоконференции» (video conference). Преимуществом Протокола является то, что он содержит достаточно подробную регламентацию процедуры проведения данного процессуального действия. Третий дополнительный протокол 2010 года к той же Конвенции, в настоящее время открытый к подписанию [24], предусматривающий преимущественными электронные способы взаимодействия, сохранил терминологию «видеоконференция» и уточнил вопросы присутствия обвиняемого и подозреваемого.

В отличие от европейских актов, Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 года [4] использует значительно более общий термин – «видеосвязь». Статья 6 Конвенции допускает использование видеосвязи для допроса участников процесса, однако не раскрывает ни технических характеристик такой связи, ни процессуальных гарантий. Это порождает на практике вопрос: любая ли видеосвязь признается надлежащей или требуется специальное оборудование.

Еще более общий подход демонстрирует Гагская конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам 1970 года. Текст самой Конвенции не содержит терминов «видеосвязь» или «видеоконференция» – они отсутствовали в момент ее принятия. Однако в разработанном Постоянным бюро Гагской конференции по международному частному праву Руководстве по эффективному применению видеосвязи в рамках Конвенции о получении доказательств [18] используется термин «video-link» (видеосвязь/ видеоканал). В Руководстве подчеркивается, что «ни дух, ни буква Конвенции не препятствуют использованию новых технологий, и их применение может способствовать эффективной работе Конвенции». Эти выводы впоследствии нашли отражение в заключениях и рекомендациях Специальной комиссии [20], а также в Практическом руководстве к Конвенции [25].

Помимо этого, в практике последних лет в международных договорах Российской Федерации о правовой помощи по уголовным делам используется термин «видео-конференц-связь» [3, 4, 5], не раскрывая при этом технических требований и процессуальных аспектов использования таких технологий.

Дополнительную сложность вносит национальное процессуальное законодательство. Например, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (статья 155.1 ГПК) и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (статья 153.2 АПК) оперируют понятием «видеоконференц-связь», а также вводят новеллу – «веб-конференция» (статья 155.2 ГПК и статья 153.2 АПК) как упрощенный вариант, при котором лицо может подключиться к судебному заседанию в онлайн-режиме с помощью технического устройства с доступом к сети «Интернет». При этом для целей международной правовой помощи эти определения и порядок их реализации не адаптированы [26]. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (статьи 389.12, 399.13) использует грамматически разные формулировки одного и того же явления – «видеоконференц-связь» и «видео-конференц-связь», но понятие веб-конференции в УПК отсутствует.

Таким образом, на уровне международных договоров и национального законодательства отсутствует единый технический стандарт. Терминологический разброс («видеосвязь», «видеоконференция», «видеоконференц-связь», «веб-конференция») при отсутствии легальных определений в большинстве актов ведет к правовой неопределенности.

ГКМЧП в Руководстве по эффективному применению видеосвязи в рамках Конвенции о получении доказательств отождествляет видеосвязь («video-link») с понятием видеоконференции и определяет ее как технологию, позволяющую двум или более сторонам взаимодействовать в режиме реального времени посредством двусторонней передачи видео и аудио.

Представляется, что можно согласиться с указанным подходом ГКМЧП и отождествить понятия «видеосвязь» (video-link) и «видеоконференция» как в рамках международных договоров, так и применительно к российскому процессуальному законодательству. Различия в терминологии («видеосвязь», «видеоконференция», «видеоконференц-связь», «веб-конференция») как представляется не имеют принципиального значения, поскольку все они обозначают одно и то же явление – проведение процессуальных действий с использованием двусторонней аудиовизуальной связи в режиме реального времени.

Вторая системная проблема связана с процессуальным статусом суда запрашиваемого государства при исполнении поручения о допросе посредством видеоконференц-связи.

Анализ международных договоров показывает, что они либо умалчивают об этом, либо содержат взаимоисключающие подходы.

Второй дополнительный протокол к Европейской конвенции 1959 года предусматривает, что запрашиваемое государство обеспечивает проведение видеоконференции и закрепляет конкретный механизм: суд запрашиваемого государства вызывает лицо, удостоверяет его личность, разъясняет права и обязанности, обеспечивает техническую сторону, по результатам составляет протокол, который направляет запрашивающему государству. По сути, Протокол предполагает активное участие суда запрашиваемого государства в процессуальных действиях.

Гаагская конвенция 1970 года и Руководство занимают более пассивную позицию. Основной акцент сделан на технической возможности соединения. Роль суда запрашиваемого государства сводится к содействию в организации связи и возможной помощи в принудительном приводе лица, если это предусмотрено национальным правом. Вопрос идентификации личности, разъяснения прав и фиксации хода допроса отдан на откуп внутренним процедурам запрашивающего или запрашиваемого государства (в зависимости от прямого либо непрямого допроса).

Кишиневская конвенция 2002 года, также как и недавно принятые двусторонние международные договоры Российской Федерации в сфере правовой помощи по уголовным делам не регламентируют роль суда запрашиваемого государства при использовании видеосвязи. Из статьи 6 Конвенции в системной взаимосвязи со статьей 8 (порядок исполнения поручения об оказании правовой помощи) можно сделать вывод, что применяются общие правила исполнения поручений в соответствии с законодательством запрашиваемого государства. Однако общие правила не учитывают специфику видеосвязи: какова роль суда запрашиваемого государства, может ли он вмешиваться в проведение допроса, кто удостоверяет личность удаленного участника, что делать при техническом сбое.

Наиболее остро проблема проявляется в асимметрии между международно-правовым обязательством оказать помощь и национальными процессуальными условиями. В Российской Федерации это находит яркое выражение в практике исполнения судебных поручений о проведении допросов посредством видеоконференц-связи. Регламент организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний [6] определяет, что судебные заседания в режиме ВКС могут проводиться только при

наличии технической и организационной возможности в судах, оснащенных программно-техническими комплексами ВКС и подключенных к ведомственной сети передачи данных Государственной автоматизированной системы «Правосудие» (ГАС «Правосудие»).

С учетом того, что абонентами системами согласно пункту 1.5 Регламента являются федеральные суды общей юрисдикции, федеральные арбитражные суды, учреждения Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), использующие ВКС для проведения судебных заседаний, организация трансграничной видеоконференции не представляется возможной.

На практике это приводит к следующей ситуации. Суд Российской Федерации получает поручение от суда иностранного государства провести допрос свидетеля, находящегося в Российской Федерации, посредством видеосвязи. Запрашивающий суд предлагает использовать коммерческую платформу (например, Zoom, Skype) или иную техническую систему, которая не является частью ГАС «Правосудие». Российский суд, толкуя «техническую возможность» буквально, отказывает в исполнении поручения, ссылаясь на то, что ГАС «Правосудие» с указанной иностранной системой не совместима, а использовать иные средства закон не позволяет.

К аналогичному результату приводит и обратная ситуация: российский суд направляет поручение в иностранное государство с требованием использовать ГАС «Правосудие», но иностранный суд не имеет технической возможности или правовых оснований для подключения к российской системе [27].

К примеру, при исполнении поручения Рижского городского суда Латвийской Республики о проведении допроса лица с использованием режима видеоконференции, при подключении используя Microsoft Teams, Webex или иную платформу связи, российский суд отказал в исполнении поручения в связи с невозможностью проведения судебных заседаний в режиме видеоконференц-связи с иностранными судами.

В другом случае российский суд не исполнил поручение Антикоррупционного суда Республики Армения о проведении допроса посредством видеоконференц-связи в связи с тем, что «армянский суд, имея IP-адрес российского суда, и российский суд, имея IP-адрес армянского суда, предпринимали попытки подключения ВКС, однако в течение продолжительного времени подключиться не удалось».

Показания лица, таким образом, не были получены, хотя ни одна из сторон не возражала

против использования проведения ВКС.

Очевидна асимметрия: на международном уровне Российская Федерация связана обязательствами по международным договорам – оказывать правовую помощь, включая допросы по видеоконференц-связи. Однако на национальном уровне цель («оказать помощь») фактически подменяется средством («использовать ГАС «Правосудие»») и делает исполнение запросов невозможным при отклонении от предписанной технической платформы.

Таким образом, правовая неопределенность носит системный характер и включает три взаимосвязанных элемента: терминологическая неопределенность, неопределенность процессуальной роли суда, асимметрия обязательств и условий – столкновение международно-правового требования оказать помощь (результат) с национальными требованиями к средству (конкретная техническая система).

Следствием данной неопределенности является практическая неисполнимость значительной части запросов о проведении трансграничных допросов по видеосвязи. Системная проблема терминологической и правовой неопределенности требует выработки единого концептуального подхода, который позволил бы преодолеть асимметрию между международно-правовыми обязательствами и национальными техническими требованиями. В качестве такого подхода предлагается принцип технологической нейтральности технических средств, адаптированный к сфере трансграничной правовой помощи при проведении допросов посредством видеоконференц-связи.

В условиях стремительной смены поколений технологических решений и появления новых механизмов передачи данных правовое регулирование видеоконференц-связи в международной правовой помощи сталкивается с вызовом «нормативного старения». Подход, ориентированный на привязку к конкретным техническим средствам, неизбежно ведет к пробелам в праве. Преодоление этого противоречия лежит в плоскости внедрения принципа технологической нейтральности, который выступает фундаментальным методологическим инструментом гармонизации цифровых правоотношений.

В современной доктрине технологическая нейтральность рассматривается как требование, в силу которого правовое регулирование должно определяться экономической сущностью и юридической функцией действия, а не конкретной технологией его реализации [13].

Принцип технологической нейтральности не является узкоотраслевым.

Он последовательно реализуется в различных сферах правового регулирования. Например, в банковском праве акцентируется необходимость регулирования функциональных результатов дистанционного обслуживания (идентификация, авторизация, безопасность), а не «аппаратно-программных средств» как таковых, поскольку последние противоречат требованию нейтральности, сводя систему дистанционного банковского обслуживания к технологической инфраструктуре и игнорируя ее правовую сущность [11]. Аналогичный подход закреплен в актах ЮНСИТРАЛ: Типовой закон об электронных передаваемых записях и Типовой закон об электронных подписях базируются на функциональном эквиваленте – юридическая сила документа признается не из-за способа его создания, а вследствие соблюдения ключевых функций (уникальность, контроль, целостность, аутентичность) [12].

В исследованиях, посвященных обороту цифровых активов, данный принцип предполагает, что «регулирование операций с цифровыми активами должно основываться на их экономической сущности, а не на технологических особенностях их осуществления» [15].

Такой подход обеспечивает устойчивость и долгосрочную применимость правовых норм в условиях ускоренного технологического развития – качество, критически важное для международных соглашений о правовой помощи, которые принимаются на длительный период.

Проецируя этот принцип на сферу международной правовой помощи, необходимо отказаться от закрепления конкретных средств проведения видеоконференции в пользу функциональной эквивалентности личного присутствия.

Более того, технологическая нейтральность в контексте ВКС приобретает дополнительное измерение – обеспечение равной правовой защиты независимо от уровня технической оснащенности компетентных органов (судов) запрашивающего и запрашиваемого государств. Функциональный подход к определению цифровых объектов позволяет избежать необходимости постоянного обновления законодательства при появлении новых технологических решений. Это означает, что судебные доказательства, полученные через любые существующие или будущие системы ВКС, должны обладать одинаковой презумпцией допустимости при условии обеспечения базовых функциональных стандартов.

Таким образом, принцип технологической нейтральности выступает непростой теоретической конструкцией, а практическим регулятивным императивом для международных договоров о

правовой помощи. Его имплементация позволяет снять проблему технологической уязвимости правовых норм, перенести фокус с формы на содержание коммуникации и обеспечить универсальный, неподверженный старению режим использования ВКС в трансграничном правосудии.

Адаптация принципа технологической нейтральности к сфере международной правовой помощи при проведении допросов требует сдвига фокуса: от «какая именно технология используется» к «какой правовой результат достигается».

Ключевой вопрос при исполнении трансграничного поручения о допросе – не в том, использована ли специализированная судебная система (ГАС «Правосудие»), коммерческая платформа (Zoom, Skype, Webex) или иное техническое решение, а в том, обеспечивает ли это средство необходимые процессуальные гарантии: идентификацию лица, разъяснение прав, поддержание порядка, фиксацию хода допроса и придание показаниям юридической силы доказательства.

Если международный договор обязывает государства оказывать правовую помощь «с использованием видеосвязи» (Кишиневская конвенция) или «посредством видеоконференции» (Второй дополнительный протокол), то цель – обеспечить удаленное участие лица в процессуальном действии. Техническое средство является лишь инструментом. Следовательно, запрет или невозможность использования одних технических средств (например, из-за несовместимости ГАС «Правосудие» с иностранной системой) не должны блокировать исполнение поручения, если другое средство позволяет достичь того же правового результата.

Таким образом, адаптированный принцип технологической нейтральности в контексте трансграничных допросов может быть сформулирован следующим образом: «Любое техническое средство, обеспечивающее двустороннюю аудиовизуальную связь в режиме реального времени, информационную защищенность сеанса видеоконференции и возможность фиксации хода процессуального действия, признается надлежащим для исполнения трансграничного судебного поручения о проведении допроса, если оно позволяет реализовать процессуальные гарантии допрашиваемого лица и обеспечивает придание юридической силы полученным показаниям в соответствии с национальным законодательством запрашивающего и запрашиваемого государств».

Закрепление принципа технологической нейтральности не означает, что любое техническое средство автоматически становится

допустимым. Напротив, для обеспечения правовой определенности необходимо установить объективные критерии (минимальные технические и процессуальные требования), которым должно отвечать средство видеоконференц-связи для целей трансграничного допроса.

Основываясь на выводах ГК МЧП [18] и национального опыта могут быть выделены следующие критерии.

1. Двусторонняя аудио- и видеопередача в реальном времени

Это базовый функциональный критерий. Лицо, проводящее допрос, и допрашиваемое лицо должны одновременно видеть и слышать друг друга без существенных задержек, искажений или прерываний. Режим реального времени означает, что временной лаг (delay) не должен превышать технологически неизбежный минимум (как правило, до 0,5-1 секунды), иначе нарушается возможность задавать уточняющие вопросы, оценивать невербальные реакции (мимику, жесты, поведение) и поддерживать доверительный контакт.

Односторонняя трансляция (когда допрашиваемый видит суд, но суд не видит допрашиваемого) или передача только аудио (телефонная конференция) не могут считаться видеоконференц-связью в смысле международных договоров. Соответственно, такие средства не подлежат применению.

2. Защищенность передачи (конфиденциальность и целостность)

Допрос, как правило, связан с трансграничной передачей персональных данных, а также может затрагивать охраняемую законом тайну (коммерческая, банковская, налоговая, следственная и др.). Техническое средство должно обеспечивать шифрование передаваемых данных и защиту от несанкционированного перехвата третьими лицами. Открытые незащищенные каналы (например, обычная видеосвязь без шифрования) не соответствуют данному критерию.

Вместе с тем требование защищенности не должно быть равнозначно требованию использования только национальной специализированной системы. Коммерческие платформы (Zoom со сквозным шифрованием, Cisco Webex, Microsoft Teams с защищенным режимом) при правильной настройке могут обеспечивать надлежащий уровень защищенности, в целом сопоставимый с государственными системами.

3. Возможность фиксации хода допроса

Полученные в ходе трансграничного допроса показания должны быть надлежащим образом зафиксированы, чтобы впоследствии иметь доказательственную силу. Техническое

средство должно позволять:

аудио- и видеозапись допроса;

сохранение записи в неизменяемом виде (например, в формате с метаданными о времени и месте);

возможность последующего воспроизведения, копирования и приобщения к материалам дела.

Желательно, чтобы средство поддерживало функцию создания стенограммы. Однако это не является обязательным критерием, так как стороны могут вести протоколирование традиционным способом.

4. Идентифицируемость участников

Техническое средство должно обеспечивать такое качество изображения и звука, которое позволяло бы удостовериться в личности допрашиваемого лица (сопоставление с документом, удостоверяющим личность, в режиме реального времени). Нечеткое, пикселизированное изображение или прерывистый звук делают идентификацию невозможной, что ставит под сомнение допустимость показаний. Таким образом, критерий надлежащего средства включает также минимальные технические спецификации: разрешение видео не ниже 720p (1280×720 пикселей), частота кадров около 25-30 fps.

5. Отсутствие технологической дискриминации

Средство не должно требовать исключительного использования оборудования или программного обеспечения только одного производителя или только одной государственной системы, если иные средства способны обеспечить выполнение предыдущих четырех критериев. Это прямо вытекает из принципа технологической нейтральности и направлено против ситуаций, когда государства настаивают на исключительном использовании определенных систем.

Устранение терминологической неопределенности и закрепление принципа технологической нейтральности технических средств создают необходимую основу для эффективного исполнения трансграничных поручений о допросе. Однако остается открытым ключевой вопрос – правила проведения допросов посредством ВКС. Без четкого урегулирования данного аспекта, остаются неясными ряд вопросов, связанных со степенью вовлеченности суда запрашиваемого государства, объемом применения процессуальных гарантий, предусмотренных законодательством запрашиваемого государства, составления процессуальных документов, которые станут доказательствами по делу и другие.

С учетом анализа имеющихся норм и

практики исполнения запросов о проведении допроса посредством ВКС по разным категориям дел представляется обоснованным активное участие суда запрашиваемого государства (по аналогии с порядком проведения допроса по ВКС, предусмотренным Вторым дополнительным протоколом к Европейской конвенции о правовой помощи по уголовным делам 1959 года), при котором суд запрашиваемого государства является не пассивным поставщиком технических услуг, а действующим субъектом, обеспечивающим те аспекты трансграничной ВКС, которые по своей природе требуют присутствия судебной власти на территории нахождения допрашиваемого лица.

Представляется, что такая модель является единственно соответствующей принципам суверенного равенства государств, уважения к национальной юрисдикции и защиты прав личности, и предполагает следующий перечень функций суда запрашиваемого государства.

1. Идентификация допрашиваемого лица

Первая и важная функция суда запрашиваемого государства – установление личности лица, подлежащего допросу. В соответствии с процессуальным законодательством большинства государств, в том числе Российской Федерации [28], суд обязан удостовериться, что перед ним находится именно то лицо, которое вызвано для дачи показаний.

В таком случае суд запрашиваемого государства: вызывает лицо на судебное заседание (в порядке, предусмотренном национальным процессуальным законом); проверяет документ, удостоверяющий личность; составляет акт (отметку в протоколе) об установлении личности; передает запрашивающему суду по каналам ВКС информацию о том, что личность установлена.

Только при соблюдении этой процедуры можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что показания даны именно тем лицом, которое требуется.

2. Разъяснение прав допрашиваемому лицу

Вторая функция – обеспечение информированного согласия лица на дачу показаний и реализация его процессуальных прав. В зависимости от национального законодательства и характера дела, допрашиваемый может иметь право не свидетельствовать против себя; пользоваться помощью защитника (адвоката); давать показания на родном языке или пользоваться услугами переводчика; отказаться от дачи показаний в отношении близких родственников; заявлять отводы судье или эксперту.

Суд запрашивающего государства,

безусловно, может зачитать эти права. Однако он не может убедиться, что лицо их действительно поняло (особенно если лицо не владеет процессуальным языком запрашивающего государства).

В обозначенном подходе суд запрашиваемого государства разъясняет лицу его права (на языке, которым лицо владеет, с участием переводчика при необходимости); удостоверяется, что лицо понимает характер и последствия дачи показаний; при необходимости назначает защитника (адвоката); может провести конфиденциальную беседу с лицом (вне присутствия сторон запрашивающего государства) для выявления возможного давления или принуждения.

3. Поддержание порядка в ходе допроса

Третья функция – обеспечение надлежащего поведения допрашиваемого лица и иных участников, находящихся на территории запрашиваемого государства. В ходе допроса могут возникнуть ситуации, требующие немедленного реагирования: лицо ведет себя агрессивно, покидает зал, находится под психологическим давлением. Кроме того, в зале могут присутствовать третьи лица (адвокат, родственники, переводчик), поведение которых также нуждается в контроле.

В этой связи суд запрашиваемого государства осуществляет судебный контроль за порядком в зале по месту нахождения допрашиваемого; вправе сделать предупреждение, удалить лицо из зала, наложить штраф (в соответствии с национальным процессуальным законом); при необходимости обеспечивает привод лица судебными приставами; в случае грубого нарушения может приостановить или прекратить участие в видеоконференции, составив соответствующий акт.

Это не означает, что запрашивающий суд полностью утрачивает контроль: он продолжает руководить допросом и задавать вопросы. Но меры воздействия остаются исключительной прерогативой суда того государства, на территории которого находится допрашиваемое лицо.

4. Фиксация хода допроса

Четвертая функция – официальное документирование хода и результатов допроса. В традиционном судопроизводстве показания фиксируются в протоколе судебного заседания, который подписывается судьей, секретарем, допрашиваемым лицом, переводчиком, адвокатом. Протокол является официальным доказательством, имеющим презумпцию достоверности.

При трансграничном допросе по ВКС

возникает вопрос: кто и в каком порядке составляет протокол? Возможны три варианта: (а) только запрашивающий суд; (б) только суд запрашиваемого государства; (в) оба суда.

Пункт 6 статьи 9 Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о правовой помощи по уголовным делам 1959 года предусматривает составление протокола судебным органом запрашиваемой Стороны с указанием даты и места проведения допроса, личности допрошенного лица, личности и должности всех других лиц в запрашиваемой Стороне, участвовавших в допросе, всех фактов принятия присяги и технических условий, в которых проходил допрос. Документ направляется компетентным органом запрашиваемой Стороны компетентному органу запрашивающей Стороны.

Вместе с тем это не препятствует и представляется обоснованным и целесообразным комбинированный подход, при котором осуществляется совместное протоколирование.

Помимо письменного протоколирования, проведение допроса по ВКС предполагает обязательную аудио-видеозапись всего хода допроса, которая хранится как в запрашивающем, так и в запрашиваемом государстве (на случай апелляционного обжалования или проверки допустимости доказательства).

Учитывая, что изложенные правила нашли отражение только во Втором дополнительном протоколе к Европейской конвенции о правовой помощи по уголовным делам 1959 года и не закреплены в других международных договорах Российской Федерации, в том числе предусматривающих соответствующее обязательство по проведению трансграничного допроса по ВКС, а также не закреплены в российском процессуальном законодательстве, для устранения выявленных пробелов необходима как доработка международно-правовой базы, так и внесение изменений в российское законодательство.

Таким образом, исследование показало, что применение видеоконференц-связи при выполнении трансграничных судебных поручений о допросе сталкивается с серьезными проблемами, которые не связаны в первую очередь с техническими ограничениями, а скорее с правовой неопределенностью. Эта проблема характеризуется трехуровневой структурой: разночтения в терминологии международных договоров, отсутствие ясной модели участия суда запрашиваемого государства и, в результате, дисбаланс между международно-правовым обязательством о предоставлении правовой помощи и национальными требованиями, которые могут предписывать использование исключительно специализированных технических

систем.

Введение в национальное законодательство конкретных технических средств без установления правового механизма их взаимодействия с зарубежными системами приводит к противоречивой ситуации. С одной стороны, государства формально обязаны выполнять обязательства по международным соглашениям, а с другой – фактически отказывают в выполнении запросов на основании формальных технических причин. Это не только снижает эффективность международной правовой помощи, но и ставит под угрозу реализацию фундаментальных прав участников процесса.

В качестве решения предложен принцип технологической нейтральности, адаптированный к сфере трансграничных допросов по ВКС при оказании международной правовой помощи. Его имплементация требует смещения фокуса с того, какая технология используется, на то, обеспечивает ли данное средство необходимый правовой результат. На этой основе сформулированы пять объективных критериев надлежащего средства ВКС (двусторонняя аудио и видео передача в реальном времени, защищенность, фиксация хода, идентифицируемость участников, отсутствие технологической дискриминации), которые позволяют преодолеть жесткую привязку к конкретным системам без ущерба для процессуальных гарантий.

Другим ключевым элементом исследуемого явления является предложенные правила проведения трансграничного допроса по ВКС при активном участии суда запрашиваемого государства, включающая идентификацию лица, разъяснение прав, поддержание порядка и фиксацию хода допроса.

Практическая реализация выводов исследования предполагает два направления. Во-первых, внесение изменений в российское процессуальное законодательство (ГПК, АПК, УПК РФ), закрепляющих принцип технологической нейтральности при исполнении трансграничных судебных поручений, а также легализующих использование коммерческих и иных защищенных платформ при условии соответствия установленным критериям. Во-вторых, инициирование дополнений к действующим международным договорам Российской Федерации положениями, детально регламентирующими процедуру допроса по ВКС и распределение процессуальных функций между судами запрашивающего и запрашиваемого государств.

Таким образом, предложенный в статье подход позволяет не только разрешить

выявленную асимметрию, но и создать устойчивую, технологически нейтральную основу для развития трансграничной цифровой юстиции в условиях стремительной смены поколений коммуникационных технологий.

Список литературы:

[1] Второй дополнительный протокол к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 08.11.2001. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 12.11.2019 ; Собрание законодательства Российской Федерации, 16.03.2020, № 11, ст. 1419 ; Бюллетень международных договоров, № 4, апрель, 2020.

[2] Договор между Российской Федерацией и Лаосской Народно-Демократической Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 31.07.2025. – Ратифицирован Федеральным законом Российской Федерации от 28.11.2025 № 437-ФЗ (по состоянию на 09.05.2026 не вступил в силу).

[3] Договор между Российской Федерацией и Республикой Сейшельские Острова о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 27.07.2023. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 25.07.2025 ; Собрание законодательства Российской Федерации, 18 августа 2025 г., № 33, ст. 4988 ; Бюллетень международных договоров, 2025, № 11.

[4] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинёвская конвенция) от 07.10.2002. – Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 27.06.2023 ; Собрание законодательства Российской Федерации, 24.07.2023, № 30, ст. 5501 ; Бюллетень международных договоров, № 9, 2023.

[5] Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям от 24.12.2024. Россия подписала данный документ (Распоряжение Президента Российской Федерации от 23.10.2025 № 409-рп).

[6] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28.12.2015 № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний».* – Бюллетень актов по судебной системе, № 3, 2016.

[7] Федеральный закон от 06.06.2019 № 120-ФЗ «О ратификации Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам». – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.06.2019 ; Российская газета, № 124, 10.06.2019 ; Собрание законодательства Российской Федерации, 10.06.2019, № 23, ст. 2903.

[8] Архипова Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран : сравнительно-правовое исследование : дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Архипова Екатерина Александровна ; [Место защиты: Акад. Генер. прокуратуры РФ]. – Москва, 2013. – 198 с.

[9] Долженко А.Н. Электронный судебный документооборот : дис. ... кандидата юридических наук : 5.1.2 / Долженко Александр Николаевич ; Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева. – Москва, 2025. – 245 с.

[10] Куделич Е.А. Видеоконференцсвязь как инструмент международной правовой помощи по гражданским и торговым делам // Закон. – 2012. – № 8. – С. 39–50.

[11] Самсонович Е.С. Дистанционное банковское обслуживание: проблема терминологической неопределенности // Вестник арбитражной практики. – 2025. – № 5. – С. 48–54.

[12] Сидоров В.Н., Сидорова Е.В. Вклад ЮНСИТРАЛ в регулирование электронной торговли // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 12(136). – С. 174–181. – DOI 10.17803/2311-5998.2025.136.12.174-181. – EDN QVFRHB.

[13] Степанян А.Ж., Крылова М.С. Применение принципа технологической нейтральности как тенденция развития правового регулирования цифровых технологий // Московский юридический форум онлайн 2020 : сборник тезисов докладов : в 4 ч. Ч. 4. – М. : РГ-Пресс, 2020. – С. 48–51.

[14] Тлехуч, Заурбий Азметович. Собрание доказательств по уголовным делам на территориях иностранных государств при оказании правовой помощи : дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Тлехуч Заурбий Азметович ; [Место защиты: Университет прокуратуры Российской Федерации]. — Москва, 2021. — 29 с.

[15] Шайдуллина В.К. Международные частноправовые принципы трансграничного оборота цифровых (виртуальных) активов (на примере Российской Федерации и Азербайджанской Республики) // Современное право. – 2025. – № 10. – С. 148–152.

[16] Щукин А.И. Получение из-за границы

свидетельских показаний по гражданским делам с использованием видео-конференц-связи // Вестник гражданского процесса. – 2023. – № 4. – С. 128–171 ; 2024. – № 6. – С. 165–216.

[17] Архипова Е.А., Быкова Е.В., Литвишко П.А. и др. Собрание электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы : монография / под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. – М. : Проспект, 2022. – 168 с.

[18] Guide to Good Practice on the Use of Video-Link under the Evidence Convention. – The Hague : The Hague Conference on Private International Law – HCCH Permanent Bureau, 2020.

[19] Practical Handbook on the Operation of the 1970 Evidence Convention. – The Hague : HCCH Permanent Bureau, 2025. – URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=6431>

[20] Conclusions & Recommendations of The Special Commission (SC) on the practical operation of the Convention of 15 November 1965 on the Service Abroad of Judicial and Extrajudicial Documents in Civil or Commercial Matters (Service Convention), the Convention of 18 March 1970 on the Taking of Evidence Abroad in Civil or Commercial Matters (Evidence Convention), and the Convention of 25 October 1980 on International Access to Justice (Access to Justice Convention) met from 2 to 5 July 2024. – URL: <https://assets.hcch.net/docs/6aef5b3a-a02c-408f-8277-8c995d56f255.pdf>

[21] DAVIES M. Bypassing the Hague Evidence Convention: Private International Law Implications of the Use of Video and Audio Conferencing Technology in Transnational Litigation // American Journal of Comparative Law. – 2007. – Vol. 55, No. 2. – P. 205–235.

[22] TORRES M. Cross-Border Litigation: «Video-taking» of Evidence within EU Member States // Dispute Resolution International. – 2018. – Vol. 12, No. 1. – P. 75–92.

[23] WILLIAMS R.A. Videoconferencing: Not a Foreign Language to International Courts // Oklahoma Journal of Law and Technology. – 2011. – Vol. 7, No. 54.

[24] Сайт: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=227>

[25] Practical Handbook on the Operation of the 1970 Evidence Convention, @HCCH, 2025 Hague Conference on Private International Law (HCCH) Permanent Bureau. URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=6431>

[26] Электронный судебный документооборот: дис. ... кандидата юридических наук : 5.1.2 / Долженко Александр Николаевич; Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева - Москва, 2025. – 245 с.

[27] На запрос Советского районного суда г. Липецка о проведении допроса лица по гражданскому делу путем ВКС посредством использования ГАС «Правосудие», Векильбазарский этрапский суд Марыйского вelaya (Туркменистан) сообщил о готовности проведения допроса по ВКС только через систему Skype (Письмо Минюста Туркменистана от 14.07.2023 № 04-15TB/6010).

[28] Статья 155.1 ГПК, статья 153.1 АПК, статья 241.1 УПК

References:

[1] Second Additional Protocol to the European Convention on Mutual Legal Assistance in Criminal Matters of 08.11.2001. - Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 12.11.2019; Legislation Bulletin of the Russian Federation, 16.03.2020, No. 11, Art. 1419; Bulletin of International Treaties, No. 4, April, 2020.

[2] Treaty between the Russian Federation and the Lao People's Democratic Republic on mutual legal assistance in criminal matters of 31.07.2025. - Ratified by the Federal Law of the Russian Federation of 28.11.2025 No. 437-FZ (has not entered into force as of 09.05.2026).

[3] Treaty between the Russian Federation and the Republic of Seychelles on Mutual Legal Assistance in Criminal Matters dated 27.07.2023. - Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 25.07.2025; Collection of legislation of the Russian Federation, August 18, 2025, No. 33, Art. 4988; Bulletin of International Treaties, 2025, No. 11.

[4] Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (Chisinau Convention) of 07.10.2002. - Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 27.06.2023; Legislation Bulletin of the Russian Federation, 24.07.2023, No. 30, Art. 5501; Bulletin of International Treaties, No. 9, 2023.

[5] United Nations Convention against Cybercrime; strengthening international cooperation in combating certain crimes committed using information and communication systems and in the exchange of evidence in electronic form related to serious crimes from 24.12.2024. Russia signed this document (Decree of the President of the Russian Federation of 23.10.2025 No. 409-rp).

[6] Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation dated 28.12.2015 No. 401 "On approval of the Rules for organizing the use of video conferencing in the preparation and conduct of court hearings." * - Bulletin of Acts on the Judicial System, No. 3, 2016.

[7] Federal Act No. 120-FZ of 06.06.2019 on Ratification of the Second Additional Protocol to the European Convention on Mutual Legal Assistance in Criminal Matters. - Official Internet portal of legal

information <http://www.pravo.gov.ru>, 07.06.2019; Rossiyskaya Gazeta, No. 124, 10.06.2019; Legislation Bulletin of the Russian Federation, 10.06.2019, No. 23, Art. 2903.

[8] E.A. Arkhipova. Application of videoconferencing in criminal proceedings of Russia and foreign countries: comparative legal research: dis.... Candidate of Law: 12.00.09/Arkhipova Ekaterina Alexandrovna; [Place of defense: Acad. Gener. Prosecutor's Office of the Russian Federation]. - Moscow, 2013. - 198 s.

[9] Dolzhenko A.N. Electronic judicial document flow: dis.... Candidate of Legal Sciences: 5.1.2/Dolzhenko Alexander Nikolaevich; Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev. - Moscow, 2025. - 245 s.

[10] Kudelich E.A. Video conferencing as a tool for international legal assistance in civil and commercial cases//Law. - 2012. - № 8. - S. 39-50.

[11] E.S. Samsonovich. Remote banking: the problem of terminological uncertainty//Bulletin of arbitration practice. - 2025. - № 5. - S. 48-54.

[12] Sidorov V.N., Sidorova E.V. UNCITRAL Contribution to the Regulation of Electronic Commerce//Bulletin of the Kutafin University (MSLA). - 2025. - № 12(136). - S. 174-181. - DOI 10.17803/2311-5998.2025.136.12.174-181. - EDN QVFRHB.

[13] Stepanyan A.Zh., Krylova M.S. Application of the principle of technological neutrality as a trend in the development of legal regulation of digital technologies//Moscow Legal Forum online 2020: collection of abstracts: at 4 h. Part 4. - M.: RG-Press, 2020. - S. 48-51.

[14] Tlehuch, Zaurbiy Azmetovich. Collecting evidence in criminal cases in the territories of foreign states when providing legal assistance: dis.... Candidate of Law: 12.00.09/Tlehuch Zaurbiy Azmetovich; [Place of protection: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. - Moscow, 2021. - 29 s.

[15] Shaydullina V.K. International private law principles of cross-border turnover of digital (virtual) assets (on the example of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan)//Modern law. - 2025. - № 10. - S. 148-152.

[16] Shchukin A.I. Obtaining testimony from abroad in civil cases using video conferencing// Bulletin of the civil process. - 2023. - № 4. - S. 128-171; 2024. - № 6. - S. 165-216.

[17] E.A. Arkhipova, E.V. Bykova, P.A. Litvishko et al. Collecting electronic evidence in criminal cases in Russia and foreign countries: experience and problems: monograph/under general. and scientific. ed. S.P. Shcherba. - M.: Prospect, 2022. - 168 s.

[18] Guide to Good Practice on the Use of Video-Link under the Evidence Convention. -

The Hague : The Hague Conference on Private International Law – HCCH Permanent Bureau, 2020.

[19] Practical Handbook on the Operation of the 1970 Evidence Convention. – The Hague : HCCH Permanent Bureau, 2025. – URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=6431>

[20] Conclusions & Recommendations of The Special Commission (SC) on the practical operation of the Convention of 15 November 1965 on the Service Abroad of Judicial and Extrajudicial Documents in Civil or Commercial Matters (Service Convention), the Convention of 18 March 1970 on the Taking of Evidence Abroad in Civil or Commercial Matters (Evidence Convention), and the Convention of 25 October 1980 on International Access to Justice (Access to Justice Convention) met from 2 to 5 July 2024. – URL: <https://assets.hcch.net/docs/6aef5b3a-a02c-408f-8277-8c995d56f255.pdf>

[21] DAVIES M. Bypassing the Hague Evidence Convention: Private International Law Implications of the Use of Video and Audio Conferencing Technology in Transnational Litigation // American Journal of Comparative Law. – 2007. – Vol. 55, No. 2. – P. 205–235.

[22] TORRES M. Cross-Border Litigation: «Video-taking» of Evidence within EU Member States // Dispute Resolution International. – 2018. – Vol. 12, No. 1. – P. 75–92.

[23] WILLIAMS R.A. Videoconferencing: Not a Foreign Language to International Courts // Oklahoma Journal of Law and Technology. – 2011. – Vol. 7, No. 54.

[24] Сайт: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=227>

[25] Practical Handbook on the Operation of the 1970 Evidence Convention, @HCCH, 2025 Hague Conference on Private International Law (HCCH) Permanent Bureau. URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=6431>

[26] Electronic judicial document flow: dis.... Candidate of Legal Sciences: 5.1.2/Dolzhenko Alexander Nikolaevich; Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev - Moscow, 2025. - 245 s.

[27] At the request of the Sovetsky District Court of Lipetsk to conduct interrogation of a person in a civil case by means of videoconferencing through the use of GAS "Justice," the Vekilbazar Etrap Court of Mary Province (Turkmenistan) announced its readiness to conduct interrogation by videoconferencing only through the Skype system (Letter of the Ministry of Justice of Turkmenistan dated 14.07.2023 No. 04-15TV/6010).

[28] Article 155.1 of the Code of Civil Procedure, article 153.1 of the APC, article 241.1 of the Code of Criminal Procedure